

УДК. 910.

КРЫМСКАЯ РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ

Киселев С.Н.

В 2003 году исполнилось 220 лет со дня присоединения Крыма к России. Именно этот временной отрезок можно рассматривать как период существования постоянного русского населения полуострова. В современной Украине Крым является единственным регионом, где доля этнических русских составляет более 50% населения, а с учетом русскоязычия большинства жителей Автономной Республики Крым, ее территорию вполне обоснованно можно рассматривать как реально существующий русскокультурный анклав.

Среди множества проблем, которые стоят перед русскими Крыма одной из важнейших является сохранение национальной и культурной идентичности, своего этнического своеобразия, то есть тех уникальных особенностей, которыми обогатился характер русских людей, прошедших социо-культурную переработку на протяжении более двух веков в уникальных условиях Крымского полуострова.

Одним из способов преодоления кризиса идентичности является обращение к истокам, к той "русской идее", которую в явном и неявном виде воплотил в своей тысячелетней истории русский народ. В отличие от "больших" и "малых" национализмов "русская идея" - это идея государственная, державная, не имеющая этнического оттенка⁽¹⁾. Во многом благодаря этой идее, а так же традиционной русской ментальности, и присущей православной культуре веротерпимости, возникло и продолжает существовать крупнейшее в мире государство. После развала СССР площадь его существенно уменьшилась, однако в сознании миллионов русских, живущих в постсоветских республиках, оно до сих пор воспринимается как единое целое, как общее наследие, приобретенное ратным и мирным трудом наших предков. Поэтому пока русские сохраняют свою идентичность, будет справедливо высказывание Н.Я. Данилевского, утверждавшего, что "национальная территория не отчуждаема, и никакие договоры не могут освятить в сознании народа такого отчуждения, пока отчужденная часть не потеряет своего национального характера"⁽²⁾.

Русские пока еще цементируют в единое целое ту огромную континентальную массу, которую евразийцы определяли как "месторазвитие" (родину) русского народа. Это прекрасно понимают этнократические элиты, стоящие у власти в государствах СНГ. Именно поэтому русские являются наиболее дискриминируемой частью населения большинства постсоветских республик. И именно поэтому, мы - крымчане, выступая против национального угнетения, будем отмечать как праздник день присоединения Крыма к России, будем напоминать об этом историческом

факте, факте бесспорном, не опровергаемом никакими "новейшими" изысканиями националистической историографии. В осмыслении этого факта раскрываются те глубинные и неисчислимыи связи между "благословенной землей Тавриды" и Россией, связи, объединяющие в тугой и неразрывный узел судьбы Крыма и Москвы.

Прослеживая истоки этих связей, отмечаешь, что они завязываются уже на заре русской государственности и сразу же приобретают фундаментальный характер. Чтобы доказать это, достаточно привести всего лишь один аргумент, способный перевесить все доводы против русского присутствия в Крыму. Таврида - колыбель русского православия. Здесь, на древней земле Херсонеса, принял крещение Святой Владимир. Отсюда началось распространение православной веры на Руси. Той Веры, которая наложила неизгладимый мистический отпечаток на всю ее историю; Веры, сформировавшей "загадочную русскую душу". Поэтому, обращаясь к современности, с горечью приходится констатировать, что Россия, с легкостью отказавшаяся от Крыма, утратила вместе с ним не столько сомнительный "рай для курортников", сколько духовный исток своего национального бытия.

Овладение Крымским полуостровом на протяжении веков являлось одной из важнейших задач сначала Московского государства, а затем и Российской империи, которая во многом и состоялась собственно как империя в борьбе за обладание Крымом и Черным морем (3).

С первых же лет включения Крыма в состав России начинается его интенсивное культурное освоение. Если Петр I, прорубив "окно в Европу", вывел Россию "к передовой границе социально-исторического и технического развития континента", то Екатерина II, "распахнув дверь" в Черное море, открыла России "вход в древнейшее лоно Европы, в ее внутренние, утробные воды, на берегах которых зачиналась античная цивилизация" (4). Таврида стала духовной "пуповиной", соединившей Россию с европейской прародиной, сделала ее обладательницей собственных памятников классической древности, которых так не хватало "Третьему Риму" для самоутверждения как империи.

Не было во всей России ни одного сколько-нибудь значительного писателя или поэта, не побывавшего в Крыму или не посвятившего ему хотя бы несколько строк: от Пушкина с его "Волшебный край, очей отрада", до "Здесь обрывается Россия над морем Черным и чужим" Мандельштама. Крымская тема органично и глубоко вошла в ткань русской культуры, русская культура накрепко запечатлелась в современном облике Крыма. "А оригинальный русский сплав всех известных стилей архитектуры, градостроительства, паркостроения с бессмертной красотой приморья и Главной гряды Крымских гор вызвали к жизни уникальный "ансамбль искусств" Южного берега Крыма. И вот создание этого антропогенного ландшафта и является главным вкладом России в формирование облика нашего полуострова" (5).

Яркие события Крымской войны и драматические события кровавой междоусобицы войны гражданской, подвиги защитников и освободителей Крыма в годы Великой Отечественной войны - навсегда останутся в русской военной истории, так же, Крымская (Ялтинская) конференция - в истории дипломатии.

Решения этой конференции способствовали обретению Советским Союзом статуса сверхдержавы. Под сенью этого статуса, Крым переживает свой "золотой век", становится подлинной всесоюзной здравницей, местом массового паломничества миллионов нетребовательных советских отдыхающих.

После выселения из Крыма в 1941 году крымских немцев и в 1944 году татар, армян, греков и болгар, он становится типичной русской провинцией. Передача полуострова в состав Украины практически не отразилась на образе жизни крымчан. Ситуация изменилась с началом перестройки, когда сквозь трещины фальшивой позолоты проступили пугающие очертания нового мирового порядка. Крым пришел в движение, охватившее самые широкие народные массы. Возможность развала единого государства потребовала быстрого принятия каких-либо политических решений. В Крымской области прошел первый в СССР референдум, в результате которого она повысила свой статус до автономии, и получила право участвовать в подписании нового союзного договора. Право, так и оставшееся не реализованным.

После образования независимой Украины русское население полуострова стало тем объектом, относительно которого происходит национальное самоутверждение большого "государствообразующего" этноса и малого "коренного" народа. В основе самоутверждения и первых, и вторых лежат откровенная русофобия, мифологизация прошлого, отрицание какой-либо позитивной роли российского и советского периодов истории Украины и Крыма. В современных школьных учебниках образ России и русских трактуется преимущественно негативно. Россия предстает в них как "империя зла", главный враг украинской государственности и душитель украинской культуры (6), а русские изображаются агрессивными варварами. Естественно, что в подобном контексте российский период истории украинской территории подается как эпоха колониального угнетения, а присоединение Крыма к России трактуется как акт "международного бандитизма" (7).

Вполне объяснимо, что подобные утверждения, постоянно воспроизводимые электронными и печатными средствами массовой информации, вызывают болезненную реакцию со стороны русского населения Украины. В Крыму выборы 1994 года завершились триумфальной победой кандидатов от блока "Россия". Однако попытка политического реванша не удалась. Причиной поражения пророссийских сил стал, прежде всего, антиинтеллектуализм прямолинейного сепаратизма лидеров блока "Россия". Достаточно хорошо зная этих людей, позволю себе заметить, что и десять лет спустя после своего "хождения во власть" они не могут найти общего языка с большинством русского населения полуострова, не понимая различия между такими категориями как "русские Крыма" и "крымские русские". Причем здесь они совершенно не оригинальны. Попытка автора обсудить в местной печати вопрос о существовании феномена крымской русской идентичности в газете "Коммунист Крыма" была определена как "благоглупость", направленная на отрыв части русского населения от стройных рядов сторонников Всеукраинского объединения "Наследники Богдана Хмельницкого", борющегося за евразийский выбор Украины (8).

Позволить себе сегодня говорить о крымской русской идентичности, это, значит, войти в противоречие с духом "дурной" политкорректности, возобладавшей в межэтническом диалоге, интенсивно ведущемся в Крыму в последние годы под патронатом иностранных специалистов в области улаживания межнациональных конфликтов. Сама заявка подобной исследовательской темы может не понравиться очень многим. Однако, если мы смело посмотрим в глаза реальности, отказавшись от ставшего уже традиционным политеза в отношении отдельных "священных коров" многонационального населения полуострова, то должны будем честно признать, что наиболее острой среди этнических проблем Крыма и наименее изученной (как и озвученной) является русская проблема.

То, что эта проблема существует, не может быть никаких сомнений, как нет сомнений в том, что если она откровенно и не табуирована, то всячески игнорируется на официальном уровне, излишне политизируется или оглуляется в средствах массовой информации, благодаря их чрезмерному вниманию к эксцентрическим поступкам и откровенно провокационным высказываниям политиканствующих маргиналов, годами паразитирующих на российско-крымской идее. Что же касается собственно научной литературы, посвященной этнологии и этнографии Крыма, то даже беглого ее обзора достаточно, чтобы убедиться в количественных диспропорциях исследований различных народов полуострова. Если бы об этническом составе населения Крыма судили по содержанию этих работ, то естественным образом сложилось бы впечатление, что полуостров в основном населен крымскими татарами, караимами, крымчаками; в меньшей степени - крымскими греками, армянами, болгарами, немцами, чехами и еще в меньшей степени - всеми остальными народами (то есть русскими и украинцами, численность которых, как это ни парадоксально, превышает 80 % от всех жителей АРК).

В Крыму удивительным образом воспроизводится традиция, доминировавшая в этнографической науке в Российской империи и в СССР, а именно чрезмерный и всесторонний интерес к изучению мельчайших подробностей жизни малочисленных народов и реликтовых этносов при практически полном игнорировании вопросов русской этнографии. Сегодня этому процессу способствует и политика "грантодателей", поощряющих любые исследования по этнической проблематике, кроме русской. Скромные средства, выделенные в 2001 году Фондом "Москва - Крым" этнографическому музею на экспедицию по старинным русским селам и реализацию на ее основе мультимедийного проекта являются, пожалуй, единственным примером финансирования русской исследовательской темы в истории крымской этнографии.

Естественно напрашивается вопрос, а может быть, потому нет исследований по этнографии крымских русских, что изучать то особо и нечего? Может быть, русское население Крыма - это всего лишь механическая смесь оторванных от своих национальных корней мигрантов. Людей случайных, ничем не объединенных, кроме языка и территории проживания. Некая инертная безликая масса денационализированных особей, представляющая собой то, что Н.Я. Данилевский называл "этнографическим материалом", то есть таким человеческим субстратом,

который до определенного момента не может претендовать на собственное место в истории?

Подобные аргументы давно уже стали как бы "общим местом" в высказываниях отдельных политиков и статьях определенных СМИ, представляющих наиболее радикальные круги некоторых национальных общин Крыма. Есть ли основания, кроме политических, для подобных утверждений? С сожалением приходится констатировать, что для незначительной части этнически русского населения подобные аргументы в какой-то степени не лишены смысла. Это касается той части русских, для которых Крым - всего лишь временное пристанище, которые оказались здесь по воле случая или собираются выехать за пределы полуострова, не считают и не чувствуют его своей Родиной, ничем не связаны с его прошлым и не видят себя в его будущем. Однако таких апатрид сегодня уже меньшинство и с каждым годом их становится еще меньше, в результате естественной убыли и миграции.

Кем же представлено то этнически русское большинство, которое мы предлагаем рассматривать в качестве крымских русских - носителей специфической крымской русской идентичности, и как с позиций современной этнологии объяснить возникновение подобного типа самоидентификации?

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на особенность, присущую значительному числу русских, проживающих в русских анклавах, возникших в странах СНГ после распада СССР, которую С.Н. Градировский характеризует следующим образом: "У диаспорных русских такие понятия, как Отечество и Родина, совпадают (это Российская Федерация); у анклавных же русских Родина - это малая родина, вмещающий ландшафт, регион нынешнего обитания, а Отечество - это большое Отечество, собственно Россия, которая чаще всего не равна Российской Федерации" (9).

Понятие Родины чрезвычайно важно для объяснения возникновения такого типа самоидентификации как крымская русская идентичность. Философ С.Н. Булгаков определял Родину "как священную тайну каждого человека", в которой дается ему сам образ его существования, и с которой он связан сотнями "таинственных и неисследимых связей" (10). Сегодня Крым является Родиной для большинства русских крымчан. По данным переписи 1989 года, русские, родившиеся в Крыму, составляли 828 761 человек или 50 % от их общего числа и 78,7 % от числа всех жителей полуострова, родившихся в Крыму (11). Не имея подобных данных украинской переписи 2001 года, которые до сих пор не опубликованы в полном объеме, позволим себе предположить, что русские, родившиеся в Крыму, по прежнему составляют большую часть крымчан по рождению. Что же касается собственно русского населения, то процент родившихся в Крыму также вырос, как за счет выведения Севастополя из состава автономии (а это тысячи офицеров, прибывших из-за пределов полуострова для прохождения службы на Черноморском флоте, и члены их семей), так и за счет того, что в миграционных потоках, направленных за пределы полуострова, крымчане по рождению составляли меньшинство. Как тут не вспомнить местную поговорку, что "за Перекопом для нас земли нет!"

Кроме предположений мы располагаем данными социологических опросов и исследований, которые убедительно свидетельствуют о несомненном существовании такого феномена как крымская идентичность. Например, в 1994 году на вопрос: "Если бы у вас была возможность беспрепятственного переезда и трудоустройства на новом месте, вы бы уехали из Крыма?" - 55 % респондентов ответили, что не собираются покидать Крым ни при каких условиях (12). Эти и другие данные позволяют А.В. Мальгину довольно уверенно развивать концепцию крымского регионального сообщества и спорить с оппонентами: "У поклонников традиционного национализма серьезные рассуждения об особом крымском сообществе вызывают либо усмешку, либо бурный протест. Они полагают, что процесс этногенеза закончился к моменту их появления на свет и дальнейшая история будет вершиться исключительно в соответствии с конституциями национальных государств. С их точки зрения, в Крыму имеется лишь один полноценный народ - крымские татары, остальные же (составляющие между тем большинство) представляют собой некое безликое "население"" (13).

Так как один и тот же человек может быть носителем нескольких идентичностей, наличие общекрымской идентичности несколько не противоречит возможности существования крымской русской идентичности, что подтверждается данными опроса, проведенного службой социологии фирмы "КБ-САМ" в 1999 году. Результаты этого опроса свидетельствуют о тенденции увеличения среди русских Крыма тех, кто идентифицирует себя в качестве крымских русских. Например, в возрастной когорте от 21 до 30 лет 52 % респондентов называют себя "крымскими русскими", а в возрастной когорте от 16 до 20 лет число таких возрастает до 67 % (14). Эта тенденция была отмечена и в ходе других исследований, проведенных в 2001 году А.Д. Шоркиным (устная информация).

Основываясь на результатах исследований социологами самоидентификации крымчан, можно сделать вывод о том, что высказанное нами в 1994 году предположение о возможности возникновения в будущем своеобразного крымско-славянского этноса находит свое подтверждение на практике (15), свидетельством чему является формирование крымской русской идентичности.

Наличие этнического самосознания является одним из важнейших признаков этноса. Согласно примордиалистской теории "этническое самосознание - субъективный фактор, отражающий объективно функционирующую реальность" (16). Социологические опросы, проведенные в Крыму разными службами в разное время, зафиксировали крымскую русскую идентичность как элемент объективной реальности.

Если кому-то авторская концепция покажется необъективной и надуманной, а факты "притянутыми за уши", то хотелось бы напомнить, что в современной этнологии распространено также представление об этносе как о "конструируемой" общности. "При таком понимании этническая идентичность есть конструирование "воображаемых общностей", основанных на вере в то, что они связаны естественными, и даже природными узами. Главное в данном подходе состоит в том, что этническая идентификация рассматривается не как процесс, а как процедура формирования представлений" (там же). Наблюдая сегодня в Крыму, как

активно конструируются "воображаемые общности" крымских татар и караимов, думается, что никто не может отказать и русским в праве создавать собственный "конструкт".

Как бы там ни было, но еще в 1913 году уважаемый в Крыму писатель и доктор С.Я. Елпатьевский одним из первых зафиксировал в печати черты характера и стиля жизни, отличающих крымских русских от их континентальных собратьев: "Я спрашиваю почтенного старика-татарина из Огуз, моего близкого знакомого, правда ли, что у них в деревне русские сильно пьют; он удивился и ответил:

- Нет, русские у нас не пьют.

- Как же я слышал, что в канавах пьяные валяются?

Он был очень удивлен и долго думал, сомнительно качая головой, и потом оживленно выговорил:

- Да, это кацапы!

И прибавил:

- Русские наш обычай приняли.

Весь обычай... И не только те, которые разумеются здесь русскими из Киевщины и Полтавщины, но и "кацапы", когда обживаются, принимают отузскую манеру жизни. Бросают чай, переходят к кофе, отказываются от щей и гречневой каши и приемлют катыки, и "помадоры", и каурму, и масаку, и чебурек, и все бесконечные манеры отузского использования барашка. Приемлют давно выработанное татарское обычное право, - и в пользовании водой в рыбацких артелях, в соседских деревенских конфликтах. И если пьют, то переходят от водки к вину, от которого медленнее и труднее переходят в канаву" (17). Вероятно, за прошедшие девяносто лет крымская специфика закрепились не только во внешних особенностях повседневного поведения крымских русских, но нашла свое отражение и в глубинных пластах этнической психологии.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что спустя двести лет после присоединения Крыма к России, русская культура настолько укоренилась на крымской земле, включив ее в свой генетический код, что началась ее пространственная самоорганизация, подтверждением чему и является крымско-русская идентичность. Сегодня крымская русская идентичность - уже реальность, а крымские русские - этнографическая константа в многонациональном составе населения полуострова, политический и правовой субъект, с которым рано или поздно придется считаться, если мы действительно хотим мира и согласия на благословенной земле Крыма.

Литература

1. Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к "русской идее": кризис идентичности и национальная история// Национальные истории в советском и постсоветских государствах. - М., 1999. - С. 325.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. - Л., 1995. - с. 22.
3. Киселев С. Н., Киселева Н. В. Размышления о Крыме и геополитике. - Симферополь, 1994. - с. 21.

-
4. Эпштейн М. Н. "Природа, мир, тайник вселенной...": Система пейзажных образов в русской поэзии. - М., 1990. - с. 165.
 5. Венিকেев К. Влияние присоединения Крыма к России на архитектуру и ландшафты полуострова// Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура. - Симферополь, 1994. - С. 17.
 6. Константинов С., Ушаков А. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве// Национальные истории в советском и постсоветском государствах. - М., 1999. - С. 83-84.
 7. Джемилев М. Народ имеет право // Родина. - 1995. - № 3-4. - С. 159.
 8. Сухоруков Г. "Особые русские", или "русские в Крыму"// Коммунист Крыма. - 2003. - № 14.
 9. Градировский С.Н. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой//<http://www.arhipelag/text/149.htm>
 10. Булгаков С.Н. Моя родина// Новый мир. - 1989.- №10. - С. 204.
 11. Харабуга В.В. Этническая ситуация в Крыму (по данным переписи 1989 г.)// Крымские известия. - 1993. - 12 мая.
 12. Хан Е., Киселева Н. Вопреки всему буду жить в Крыму// Крымская правда. - 1994. - 10 сентября.
 13. Мальгин А.В. Крымское сообщество: между прошлым и будущим//<http://www.ok/part2/Krimskoe-soob.htm>
 14. Киселева Н. За Перекопом для нас земли нет!// ОстровКрым. - 1999. - № 3. - С. 45.
 15. Киселев С.Н., Киселева Н.В. Размышления о Крыме и геополитике. - Симферополь: "Крымский архив", 1994. - с. 42.
 16. Аругюнян Ю.В. и др. Этносоциология. - М., 1999. - с. 164.
 17. Елпатьевский С.Я. Крымские очерки. Год 1913. - Феодосия, 1998. - с. 62-63.